

Типы недавняго прошлаго.

Порфирій Степановичъ и Анна Петровна.

Перфиль Степанычъ, какъ его звали у насъ, уже болѣе двадцати лѣтъ покоился въ землѣ. Анна Петровна, его супруга, пережила своего мужа только двумя годами. Однако оба они, какъ представляющіе изъ себя яркіе типы старинныхъ сельскихъ дьячка и дьячихи, до сихъ поръ живы въ моихъ воспоминаніяхъ. Это и понятно: впечатлѣнія дѣтства болѣе глубоки, сильнѣе врѣзываются въ память и долѣе сохраняются, чѣмъ впечатлѣнія зрѣлаго возраста.

Перфиль Степанычъ былъ довольно высокаго роста, немного сутуловатъ; полусѣдая небольшая борода и такіе же волосы на головѣ были рѣденькіе, всегда всклокоченные, такъ какъ видѣли гребень не чаще одного раза въ недѣлю. Ходилъ Перфиль Степанычъ всегда въ духовномъ платьѣ—въ казинетовомъ сѣраго цвѣта подрясникѣ. Впрочемъ, всѣ „дьячки“ того времени носили духовное платье, это уже нынѣшніе псаломщики стали щеголять въ свѣтскомъ костюмѣ.

Анна Петровна была особа невысокаго роста, приземистая, съ краснымъ круглымъ лицомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялся широкій, толстый носъ. Ходила она по-просту: въ обыкновенномъ деревенскомъ платьѣ, голова повязана платкомъ, на плечи накинутъ стеганый „полупальтикъ“, надѣтый зимою и лѣтомъ въ одинъ рукавъ.

Какъ я начинаю ихъ помнить, имъ было уже лѣтъ по шестидесяти, но оба были крѣпки и бодры, особенно Анна Петровна. У Перфила Степаныча сохранился даже голосъ, для его лѣтъ очень порядочный: довольно сильная октава, правда, немного надтреснутая, но для сельскаго дьячка весьма приличная. Онъ въ этомъ отношеніи составлялъ даже въ нѣкоторомъ родѣ гордость сухоавралинскаго прихода, гдѣ онъ служилъ въ скромномъ чинѣ много лѣтъ.

— Нынче Перфиль Степанычъ самъ будетъ читать апостоль — загудитъ, только держись!

Говорили, бывало, мужички предъ обѣднею въ большой праздникъ.

Дѣйствительно, Перфиль Степанычъ не баловаль прихожанъ въ этомъ отношеніи: выступалъ съ апостоломъ только въ великіе праздники, когда облачался въ стихарь. Сначала громко и внушительно высморкается въ большой съ замысловатыми разводами платокъ, какимъ бабы повязываютъ головы, откашляется и важно пройдетъ съ книгою по амвону. Мы, мальчишки, безъ стѣсненія оборачивались лицомъ къ чтецу и засматривали ему прямо въ ротъ. Ужъ слишкомъ удивительнымъ казалось нашему дѣтскому уму, какъ это горло Перфила Степаныча можетъ издавать такіе сильные „толстые“ звуки.

Мнѣ лично болѣе всего нравилось то, когда Перфиль Степанычъ былъ одинъ на клиросѣ и пѣлъ своею октавою. Особенно хорошо выходили у него ирмосы, которые онъ пѣлъ стариннымъ обиходнымъ напѣвомъ и великопостныя пѣснопѣнія. До сихъ поръ, хотя и смутно уже, сохранились у меня эти звуковыя впечатлѣнія. И теперь я не представляю себѣ Перфила Степаныча иначе, какъ стоящимъ на клиросѣ въ нашей старенькой, убогой церкви.. Стоитъ онъ и, откинувъ немного назадъ голову, выводитъ: „Твоя побѣдительная десница...“. Или же, за великопостною службою стоитъ предъ царскими вратами и съ чувствомъ поетъ прекраснымъ обиходнымъ напѣвомъ — „Господи, аще не быхомъ имѣли святыя Твоя молитвенницы...“. Прекрасно пѣлъ Перфиль Степанычъ, съ душою пѣлъ.

Съ мальчишками въ церкви онъ былъ строгъ. Да развѣ можно съ ними иначе? Отчаянный народъ! Увидить съ клироса, что мы шалимъ, сначала погрозить пальцемъ, и если это не подействуетъ, подойдетъ и такъ больно щелкнетъ шалуна по гладко остриженной головѣ, что моментально вскочитъ шишка, и на глазахъ навернутся слезы, не отъ обиды — кто-жъ будетъ обижаться на Перфила Степаныча? а отъ боли. Но мы его все-таки не боялись ни капельки. Въ сущности Перфиль Степанычъ былъ добродушнѣйшее существо и если щелкалъ ребятишекъ, то не по

злюбѣ, а какъ бы вынужденно, по обязанности: не озорничай въ Божьемъ храмѣ, помни, гдѣ стоишь!

Вотъ и бабы и дѣвицы, которыя подходили причащать младенцевъ, тѣ страшно боялись и батюшки и Перфила Степаныча: ужъ очень строги были въ это время они оба! Перфиль Степанычъ всегда выходилъ съ платомъ — отирать уста.

— Какъ имя? спросить, строго глядя черезъ очки, Перфиль Степанычъ.

— Держи хорошенько младенца! еще строже скажетъ батюшка.

Бѣдная баба стоитъ, выпучивъ глаза и разинувъ ротъ, и ни звука! У ней съ перепугу вылетѣло изъ головы не только имя младенца, а и свое собственное.

Разъ, я помню отлично, произошелъ съ причастникомъ такой случай. Старуха-мордовка подводитъ причащать своего мужа. Не разслышавъ перваго вопроса Перфила Степаныча (она была глуховата), старуха отъ второго грознаго окрика и не менѣе грознаго взгляда батюшки совершенно растерялась и, наконецъ, назвала имя мужа такъ, какъ привыкла звать ого дома.

Иванъ Егорычъ, батюшка...

— Иванъ Егорычъ! пробасилъ надъ ухомъ плохо слышавшаго батюшки Перфиль Степанычъ.

И батюшка, очевидно, задумавшійся надъ чѣмъ-то постороннимъ, провозгласилъ было: „причащается рабъ Божій Иванъ Егорычъ...“ но, не договоривъ послѣдняго слова, спохватился.

— Чего ты городишь, Степанычъ?... рабъ Божій Іоаннъ...

Перфиль Степанычъ, сознавъ свою оплошность, виновато потупился. Конечно, это вышло съ его стороны неумышленно — замечтался о чемъ-нибудь старикъ.

Хорошій былъ человекъ Перфиль Степановичъ! Безобидный, добродушный, мухи не обидитъ. И объ Аннѣ Петровнѣ тоже ничего худого сказать нельзя. Одинъ только грѣхъ водился за нашими стариками — сильно любили выпить покойники.

Священникъ Силеонъ Васильевъ.